

«Вы деньки мои голуби белые»

У Татьяны Петровой — самоцветный голос

Валентина ТЕРСКАЯ

Каждую русскую песню, созданную народом, она поет, как свою, идущую от сердца. Назову лишь некоторые: «Вы деньки мои — голуби белые», «Православная», «Вот мчится тройка...», «Вечерний звон», «Как по морю», «Чтой-то звон...»

Восхищаются искусством этой певицы люди, чей вкус и авторитет давно и прочно признаны. Писатель Валентин Распутин как-то сказал: «Уже сама природа наделила Татьяну Петрову двумя замечательными дарами — русской красотой и поющим самоцветным голосом. Самой природой ей был заповедан репертуар — русская песня и романс от древности до наших дней. Другой песне ее душа не ответила бы с таким простодушием, радостью и искренностью».

А Александр Шиллов сравнивает певицу с картинами русского художника Васнецова, который «в своих полотнах воспевал духовную и физическую красоту русских женщин».

Илья Глазунов тоже поклонник Татьяны Петровой. «Сегодня, как никогда, — говорит он, — очень важно напомнить о душе и истории русского народа, который живет в своей песне. Многие благодарны замечательной певице Татьяне Петровой, что она напоминает нам о России и трогает сокровенные струны нашей народной души».

— *Таня, какое, по-вашему, место на эстраде занимает сейчас русская песня?*

— К сожалению, никакое. А ведь совсем недавно в любом концерте присутствовали все жанры, в том числе и русская песня. Это была прекрасная традиция. Сейчас же господствует попса. И на экране ТВ во всех программах, и в радиоэфире, и на концертных площадках.

Обидно, что сейчас русскую песню втискивают в рамки современного ритма, приобщая ее таким образом к потребителю. Называется это почему-то раскованностью и современной аранжировкой. Как видим, наш уродливый «рынок» коснулся и русской песни. Ее трансформируют на новый лад, чтобы иметь возможность продать и заработать.

Станиславский говорил, что малыми средствами можно говорить о многом. Такова русская народная песня. Ее сочиняли люди без образования, но с высокими нравственными устоями. Сочиняли и пели, как подсказывала им душа и сердце. И в них, в этих песнях, отражалась вся жизнь народная. А сейчас складывается впечатление, что мы стали какими-то иванами родства не помнящими. Принимая ка-

кую-то западную порнозвезду, захлебываемся от восторга. А она у себя дома давно вышла в тираж, но ловкие продюсеры сплавляют ее нам, как некую неведомую диву. Суетимся чрезмерно перед третьестепенными певцами и певицами, которых за границей никто не знает. Грустно все это...

— *Как вам самой сегодня живется-может?*

— Не жалею. Но в то же время сожалею, что нет государственной организации, что была прежде, которая помогала бы хоть в чем-то. Теперь я сама — государство. Живу любовью своих слушателей. Одно время был момент профессионального отчаяния из-за неостребованности. Теперь немного отошла. Приглашения сыпятся со всех сторон, но большей частью от организаций, которые сами «на мели», — от музеев, народных клубов, областных филармоний, домов творчества. И я еду и пою. Часто бесплатно. Спасают от безденежья гастроли в дальнее зарубежье. Хорошо знают и любят меня в Японии. Там побывала уже пять раз по приглашению одной музыкальной фирмы. Недавно была в Сербии. Вообще-то я объехала почти весь мир. Нашу русскую песню слушатели в массе своей принимают и воспринимают хорошо везде.

— *Как вы пришли на эстраду?*

— Родом я с Урала, из деревни Лягушино, что возле станции с забавным названием «Не зевай». С детства любила петь, но только когда бывала одна. Как-то само собой получилось, что после школы прошла по конкурсу в Уральский народный хор. Потом поступила в училище Ипполитова-Иванова, а после него и в Гнесинское. Это был первый выпуск «народников». Там же окончила аспирантуру. Сейчас помимо концертной работы еще и преподаю там. На моем педагогическом счету уже два выпуска. Порой задаю себе вопрос: могла ли у простой деревенской девчонки так сложиться судьба в других условиях?

— *Есть среди ваших питомцев интересные певицы?*

— Ученики у меня очень работоспособные. Много талантливых, светлых и чистых ребят, беззаветно преданных русской песне. Но что с ними будет? Стипендия у них сейчас 50 тысяч. Разве на нее проживешь? Я стараюсь отдать им свои знания, вкладываю в них душу и сердце.

— *У вас есть дочь. Она намерена следовать по вашему пути?*

— Вряд ли. Кате 19 лет. Она учится в университете. Будет лингвистом. Пристрастия к пению не проявляет, хотя голос у

Фото Николай Кочнев

нее неплохой и музыкальностью, тонким слухом Бог не обидел. Мы остались с ней вдвоем, когда ей было 7 лет. Мой развод с мужем она перенесла довольно спокойно. Может, потому, что всегда видела во мне не просто маму, а надежную и все понимающую подругу.

— *А ваша мама? Живет с вами?*

— Нет. Мама живет в Рузе, в Подмоскowie. После смерти отца (он был шахтер и умер молодым) переехала поближе ко мне, но в столице жить не пожелала. Она до сих пор непоколебимо верна своим деревенским привычкам. Даже хлеб в магазине не покупает — печет свой, и он для нас с Катей лучше пирожного.

Мне бывает очень смешно, когда я, приехав к ней, слышу ворчливое: «Все по Парижам да по Япониям, а тут трава не скошена, картошка не окучена и сорняков полно». Она убеждена, что прополоть грядки важнее, чем какие-то гастроли по заморским странам. Хорошо, что Катя охотно помогает бабушке. У нее все так ловко получается, как будто она вообще не городская, а деревенская. Гены у будущего филолога сказываются. Очень хорошо сказал кто-то из поэтов: вышли мы все из народа, как нам вернуться в него. Так, наверное, и надо возвращаться — с любовью к земле...

— *Вы редко появляетесь на телеэкране, в радиоэфире. Почему?*

— Из-за власти денег. Раньше было больше справедливости. Артистов так не обдирали, как сейчас. ТВ и радио готовы за деньги предоставить свое время кому угодно. Есть деньги — ты в порядке.

— *Вы объездили много стран. Где вам понравилось больше всего?*

— В Японии. Там меня подкупает отношение людей к своей национальной культуре. Они не меняют свой уклад жизни при высокоразвитом техническом прогрессе. Остаются верны своим вековым традициям. В их отношениях преобладают искренность, непосредственность. Так мне, по крайней мере, показалось за те пять весьма продолжительных (по 40—50 дней) визитов туда.

— *Что бы вы хотели для своей и для России?*

— Кто-то сказал: человек, живущий в обществе, не может быть свободен от общества. Одному человеку и даже семье быть счастливыми невозможно. Сейчас Россия переживает не лучшие времена. За последние годы люди разочаровались во всех и никому больше не верят. Главное, чтобы народ имел возможность жить достойно, был сыт, обут, не боялся за свою жизнь, жизнь детей, родителей.

Век. — 1996 —
№ 2. — С. 11

ПЕРСОНА